

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНОСВИТОВ

СМЕРТЬ

ЭССЕ

Евгений Черносвитов

Смерть. Эссе

«Издательские решения»

Черносвитов Е.

Смерть. Эссе / Е. Черносвитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968803-3

Монтень считает, что философствовать — это значит учиться умирать. Цицерон, что философствовать — это приуготовлять себя к смерти. Книга «Смерть» — попытка найти третий путь: между Цицероном и Монтенем, в мыслях о собственной смерти. Размышления автора не «зряшеские» и не сторонние. Он трижды перенес клиническую смерть и знает, как умирают люди. Профессии врача и криминолога ставят его философствования на реальную почву. В его разножанровых трудах, уже полвека, мысли о смерти не случайные гости.

ISBN 978-5-44-968803-3

© Черносвитов Е.
© Издательские решения

Содержание

Кое-что о себе, авторе	7
«Quaeris quo iaceas post orbitum loco? Qua non nato iacent.» ¹	11
Сознание – субъективная реальность	15
Социум и смерть	22
They Shoot Horses, Don't They? ²	26
Солярис как он есть и дети ГМО	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Смерть Эссе

Евгений Черносвитов

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Иллюстратор Оксана Альфредовна Ябокова

Дизайнер обложки Марина Альфредовна Черносвитова

© Евгений Черносвитов, 2019

© Оксана Альфредовна Ябокова, иллюстрации, 2019

© Марина Альфредовна Черносвитова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-8803-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается: Михаилу Петровичу Кирину – другу.

«Я в Смерть бывал мучительно влюблён...»

(Джон Китс. «Ода соловью»)

«Человек может достигнуть личностного бессмертия... Но никогда не будет это делать»

(Марина Черносвитова, историк, литератор, поэтесса)

«В тысячелетье так же сгинет слава.

И тех, кто тело ветхое совлек,

И тех, кто смолк, сказав «ням-ням» и «вава»...»

(Данте. Божественная комедия).

«Умрем! ах, как славно мы умрем!..».

(А.И.Одоевский)

«Мы никогда не узнаем, что такое Небо у нас над головой и что такое Смерть, которая в нас»

(Михаил Петрович Кирин, русский философ)

Преамбула: не смотрите в Сеть: там смерти нет, а вместо мыслей о ее небытие, пардон, «пламенный топор». Вот, скопировал, все остальное в таком же духе – уверен а priori!

«Смерти не существует. Теория Роберта Ланца

По утверждению американского учёного, профессора из Северной Каролины Роберта Ланца, смерти в том виде, как мы её понимаем, не существует.

После того, как умирает тело человека, сознание ещё какое-то время живёт. Оно сохраняется как электрические импульсы, проникающие по нейронам коры головного мозга.

Роберт Ланца – автор новой научной теории биоцентризма. Согласно этой теории, основой всего, в том числе и Вселенной, является жизнь и сознание.

Учёный уверен, что сознание человека формирует иллюзию, которую мы называем смертью. По мнению Ланца, люди ошибочно считают, что человек и его тело – это одно и то же. Как следствие – предположение, что со смертью тела умирает и сознание, и сам человек.

В действительности, для сознания (или души) нет ограничений во времени и пространстве.

В соответствии с современной теорией биоцентризма, в основе всего – глобальные цели Вселенной, а не только живой природы. По мнению разработчика нового учения, именно человек, его сознание регулирует процессы во Вселенной.

Теория основана на законе сохранения энергии и гипотезе существования «многих миров». Так как энергия не исчезает и её невозможно создать или уничтожить, Ланца предположил, что существует вероятность того, что энергия может перемещаться из одного мира в другой.

Эта теория вполне соответствует важнейшим положениям квантовой физики, в соответствии с которыми определённая частица способна находиться в любом времени и любом месте. Некоторые события совершенно невозможно спрогнозировать. В то же время, существует огромный диапазон предполагаемых путей развития для этих событий, вероятность реализации которых различна.

Теория биоцентризма гласит, что в одно и то же время существуют множество Вселенных, или «многие миры». Также одновременно возможны несколько вариантов осуществления событий.

Каждое вероятное событие в нашем мире находится в соответствии с аналогичным событием в другом мире, другой Вселенной.

Гипотеза множества Вселенных утверждает, что жизнь человека не заканчивается со смертью его тела, а длится вечно. Смерть человека в одном из миров знаменует собой его рождение в другом мире.

Существует несколько уровней жизни. Если в одной Вселенной умирает тело человека, его сознание перемещается в следующую Вселенную, затем – ещё в одну, и так бесконечно».

Кое-что о себе, авторе

«Нет, весь я не умру...»
(А. С. Пушкин)

Не уверен! Думаю, что и Пушкин утверждал это образно.

Я родился 10 сентября в 10 часов утра. Потом, когда в 1991 году вышел первый тираж моей книги «Формула смерти» и я в миг стал почти всемирно знаменитым, главный астролог Германии, по телефону, приглашая меня в гости, а так как я отказался, начала собирать у меня информацию обо мне для астрологической энциклопедии, авторитетно завила, что *«Две десятки в моем рождении – признак значимый...»*. Я заговорил сразу, как только открыл глаза, а глаза открыл сразу, как только появился на белый свет с двенадцатичасовой задержкой – рождался тяжело, был с избыточным весом и больших габаритов. Но – дорос только до 1 метра 72 см. Так вот, первым словом, сразу, еще не обтертый, я сказал четко *«Тамара!»* Все, кто были рядом, единогласно решили, что имя моей жены будет «Тамара». Но, сейчас мне скоро 74 года, а у меня никогда не было женщины, по имени «Тамара»... Во мне течет кровь князей Багратуни, возможно, «Тамара» это от туда.

О смерти я начал думать в четыре года. Тогда, кстати, я перенес первую клиническую смерть. Произошло это через полчаса, после того, как на моих глазах достали моего друга, утонувшего в Амуре: мы бегали по бревнам, бревна разошлись, и мой друг (имя его я забыл), ушел под бревна. Достали его лишь через неделю. Конечно, во что он превратился в воде, ничуть не было похоже на моего друга. Со мной случился эмоциональный шок. В больницу меня не положили сразу, а посадили рядом со мной медицинскую сестру. Я галлюцинировал, мне казалось, что все вещи в комнате стали огромны и навалились на меня, особенно одеяло. Периодически все в комнате превращалось в черные и белые палочки. Все пространство. Это было очень неприятно! У меня была высокая температура. Детская городская больница Хабаровска находилась не близко, и я успел умереть. Медицинская сестра была с опытом и ловко ввела мне адреналин внутрисердечно. Я еще дважды умирал. Но только в этот раз я один-одному видел все, что видят некоторые умершие, если верить Моуди Реймонду, автору «Жизнь после жизни». В тоннели, по которому я в кромешной темноте летел с огромной скоростью, к свету, в конце тоннеля (он мерцал) меня сопровождал скарабей, навозный жук, великолепно изображенный в Луксоре. Этот маленький скарабей всегда со мной, и вообще в моем жилище много скарабеев из Египта.

Я пролежал в детской больнице неделю, потом мне поставили диагноз «Менинго-энцефалит», сказали родителям, что я умру. Родители выписали меня под расписку и увезли в тайгу, к голубым сопкам, что видны даже из центра Хабаровска, к народному лекарю, старичку, по фамилии Бочалгин. Вот же интересно – фамилию запомнил, а имя и отчество забыл! Также забыл, о чем доктор (старичок был во врачебном халате и колпаке) со мной беседовал. Где-то около часа. Несколько раз погладил меня по голове. Потом он что-то говорил моим родителям. Выписал мне рецепт бром с валерьянкой. Рецепт я сохранил, но забыл, в каком из сундуков с архивным материалом он хранится. Если к окончанию книги вспомню – непременно опубликую. А, вообще-то я его уже публиковал. Не уверен, но, кажется, в одном из изданий «Формулы смерти» – посмотрю на досуге. Поправился я не быстро – а когда ехали по таежной дороге, голову мою на коленях держал пап, ибо я сам не мог ее удержать! Одно не смог доктор Бочалгин – избавить меня от страха смерти. Он появился сразу, как я увидел своего друга-утопленника. Я решил (мне было неполных 4 года), что смерть выглядит так, как выглядел мой друг, проплавав под бревнами в Амуре. Я лежал в больнице, но страшно боялся, что гроб с телом моего друга непременно занесут в мою палату попрощаться со мной! И никто успокоить и переубедить меня не мог! Пока друга не похоронили, я лежал с папой в боксе. Даже посещение Бочалгина от страха смерти меня не избавило. И, именно, смерти, в образе моего друга-утопленника!

... Я стал бояться темноты в спальней и спал только при зажжённом свете. Мы жили тогда в авиагородке в бараке, на берегу Амура. Отопление было печное. Внезапно умирает подруга моей мамы, тетя Тася от «разрыва сердца», по причине, что ей изменил муж – командир пассажирского самолета ИЛ-12. Вот тут-то я и прошел школу, которая должна была бы меня освободить от страха смерти. Но, чтобы быть точным, я боялся тогда не смерти, а покойников! Тетю Тасю я тоже очень боялся. И вот как меня отучали бояться мертвецов. Накануне похорон все собрались в нашей квартире – она была самая большая в бараке. Среди собравшихся были три бабушки – моя, мама тети Таси и еще одна соседка. Ужинали. Мужчины выпивали. Тут-то и говорит бабушка – соседка: «Если в тебе духа хватит, я тебя сейчас вмиг освобожу от страха покойников!» Я решил, что духа у меня хватит и согласился сделать то, что мне бабушка предложила. В это время гроб с тетей Тасей стоял одинешенек в ее открытой квартире, сплошь заваленной букетами сирени – белой и сиреневой, махровой. Запах из полуоткрытой двери Басаргиных – так была фамилия умерших, казалось, плотно набил весь коридор. Так вот. Я должен бы один пойти в комнату, где стоял гроб с покойной. НЕ включать свет. В полутьме подойти к гробу – крышка стояла рядом. Посмотреть сначала на лицо тети Таси. Оно было белое и красивое, черные густые волосы аккуратно уложены. Голова лежала на белой подушке. Вокруг лба тети Таси была лента с религиозным содержанием – крестиками и, кажется, гробиками и латинскими словами.

Воздух в комнате был невероятно тяжелый от запаха сирени. Но, он, запах сирени, не закрепился во мне с мыслью о смерти. Я должен был коснуться правой ладонью лба тети Таси. Потом ее правой руки, взять ее ладонь в свою руку. Потом, самое главное. Я должен был подойти к ногам тети Таси, снять с них туфли, потом капроновые чулки, для этого мне пришлось их отстегнуть от былых трусов тети Таси. Когда я поднял подол ее белого платья, я увидел голый живот тети Таси и вдоль его шел к шеи грубый шов... Вот то, что я сделал самовольно – я объяснить тогда не мог. Я снял трусы с тети Таси и потрогал ее ягодицы. Они были мягкие. Тогда я еще не знал, что ягодицы у 25 летней женщины, не рожавшей, должны быть упругими даже на третьи сутки после смерти и аутопсии...

...После всего, я должен был пойти на кухню, открыть поддувало печки и заглянуть в него. Я сделал это (да, тетю Тасю, ее одежду, я конечно до этого привел в порядок). Ничего

в поддувало не увидел, кроме остатков золы. Зола была еще теплой. Печку поздней весной топили, ибо готовили на ней пищу...

...Покойников я перестал бояться и даже думать о своем друге-утопленнике перестал. Но... произошла замена в моем сознании (или подсознании): образ смерти-покойника сменился образом смерти, вернее, ужасом-мыслью: *«Как это так? Непременно я умру и меня НЕ БУДЕТ!!! МЕНЯ НЕ БУДЕТ!!!»* Смена фобий смерти совпала с нашим переездом в Охотск, куда папу направили для строительства в тайге Булгино в болоте гражданский аэропорт, а под его прикрытием – военный. Страх небытия, исчезновение для себя, был намного сильнее, чем страх покойников. Он был не смотря на то, что рядом спал мой младший брат, Слава. Мы – погодки. Мне шел седьмой год, а Славе – шестой. И тогда, чтобы я не мучился бессонницей от страха, бабушка стала брать меня к себе в кровать. Прижавшись к ней, я засыпал и спокойно спал до утра, просыпаясь бодрым и веселым! Но длилось это недолго: Слава все испортил! Как-то он спокойно, когда мы строили кораблик, спросил меня, а знаю ли я, что бабушка спит без трусов? Меня неприятно обожгла какая-то смутная для меня мысль, совсем не конкретная! Но я твердо понял, что больше с бабушкой спать не лягу! И после этого, сказав бабушке, что больше не боюсь спать (я родителям и никому не говорил, чего я боюсь, но мама с бабушкой видели, что со мной что-то не то).

*«В нашей несуществующей сонной душе
всё застывшее всхлипнет и с криком проснётся.
Вот окончится жизнь... и тогда уж начнётся».*

(Сергей Юрский. 1977)

Второй раз я умер почти через 40 лет. И опять все началось с сильных эмоций – моя жена в прямом смысле слова выгнала меня из дома. Стоял ноябрь. Шел снег с дождем и уже стемнело. Я пошел на шоссе в спортивном костюме и кроссовках. В метро меня пропустили, и я поехал к друзьям через всю Москву. Мои друзья были врачи. Было сделано все, что друзья посчитали необходимым от возникновения воспаления легких. Ночью температура поднялась до сорока. Вызвали реанимобиль из ЦГ МВД СССР, но я категорически отказался ехать лечиться в свой госпиталь: друзья создали мне «стационар на дому». Неделю не меньше я практически не спал из-за постоянной высокой температуры, только впадал в забытие. Коллеги из госпиталя навещали меня каждые сутки, уговаривая госпитализироваться. Я не видел смысл, ибо у меня было все, рентгеноскопия легких не находила пневмонии. Я измучился, похудел, осунулся. Только когда организм перестал принимать даже сладкий чай, я согласился на госпитализацию в пульмонологическое отделение. Пневмонию так и не находили и решили, что у меня она «интерстициальная». Но, все равно, без рентгенологического подтверждения. Самое неприятно было то, что температура не снижалась ничуть! И меня не брали никакие снотворные. И вот однажды, перед сном разносила лекарство медицинская сестра, Света, молодая, очень полная и малоразговорчивая. Я считал ее черствой. Она зашла ко мне в бокс, чтобы дать мне мензурку с пирамидоном. Я выпил. Да, температура у меня продолжала держаться в районе 40 градусов. Светлана и говорит мне: *«Евгений Васильевич, что вам одна мензурка? Больно смотреть на вас, как вы мучаетесь! Выпейте еще одну мензурку!»* Я, недолго думая, взял из рук Светы вторую мензурку и выпил. Когда глаза отрыл, надо мной стояла заведующая реанимации, великолепный доктор Наталия Дубровина, сестра погибшего в Кабуле моего друга Анатолия: моджахеды прямо у госпиталя хотели похитить его, вытащив из «Волги», но он дал бой и был изрешечён пулями из «Калашниковых»: *«С возвращением, Женечка! Как там на „том“ свете?»* Мне очень повезло: мой бокс был первым при входе в пульмонологическое отделение. А отделение было через лестничное пространство от реанимации. Моя клиническая смерть, в состоянии которой я абсолютно ничего не видел и не чувствовал, длилась

около 3 минут, не больше... Мне, конечно, накололи сердечных препаратов. И это была первая ночь, когда я спал ровно и спокойно с абсолютно нормальной температурой – 36,6! Утром мне отменили все антибиотики. А на другой день я пошел плавать в бассейн с холодной водой в физиотерапевтическое отделение. В сауну меня не тянуло. Через двое сток в спортзале восстановил полностью свою спортивную программу. Мне дали неделю на восстановление, и я вышел на работу, как ни в чем не бывало, только без жены и без квартиры...

...Третий раз я умер 4 сентября 2000 года. Мы уже с молодой женой жили в квартире на «Войковской», доставшейся Марине от ее бабушки. 4 сентября – день рождения моей мамочки, и мы поехали к родителям в Завидово. Папа уже умер перед самым распадом СССР. Мы готовы были с Мариной выйти из квартиры, как без звонка к нам явился наш друг Паша Спиринов. Маринка быстро накрыла на стол. К бутылки французского вина, которую принес Паша, Марина сделала два бокала гоголя-моголя из яиц, которые нанесли наши завидовские куры – мама любила ухаживать за курами и держала их пока могла ходить. Паша отказался пить гоголь-моголь и выпил свой бокал вина, не закусывая. Я выпил бокал вина и два бокала гоголя-моголя...

Мама напекла дранников: поверх каждого дранника было непропеченное яйцо. Короче, к гоголю-моголю, два бокала которого я выпил в Москве, присоединилось еще несколько полу жаренных яиц...

...Ночью мне стало плохо: открылась рвота и сильный понос. Начался, как потом выяснилось, сальмонеллёз. Самое неприятное в этом страдании то, что хочется пить, но после каждого глотка воды, открывается профузная рвота. Я спрятался от мамы на веранде, которая была рядом с туалетом. Я мучился трое суток, похудел на 40 килограммов, но, странно, слабости не чувствовал и сознания тяжелой болезни у меня не было. О сальмонеллёзе я не подумал. На четвертые сутки я все же решил «своим ходом» поехать в клинскую районную больницу, где у меня работали друзья. Вечерело. Я пошел к калитке. Не помню, чтобы меня шатало. Повторяю: цель была – на попутной машине поехать в Клинскую ЦРБ. У калитки столкнулся с соседкой, Галей Куприяновой. Она успела взглянуть на меня, и я упал ей на руки и потерял сознание. И, надо же, как раз мимо проезжала СП! У нас в поселке одна машина и ездит только на экстренные случаи и с фельдшером. Как меня довели до Конаково – я не помню. На руках женщин внесли в приемное отделение. Был конец рабочего дня. И тут мне фантастически повезло – после работы по черной лекции возвращалась домой заведующая отделением! Я умер у нее на руках. Меня реанимировали не больше положенных четырех минут. Я ничего не помню. Очнулся в палате с четырьмя капельницами. Клиническая смерть зафиксирована в моей истории болезни...

«Quaeris quo iaceas post orbitum loco? Qua non nato iacent.»¹

Вот так неожиданно делаешь открытие: Шекспир не читал «Опыты» Монтеня, иначе принц Гамлет не мучился бы вопросом «Быть или не быть?»

В двух книгах – «Формула смерти» (три издания) и «Озорные рассказы из мертвого века» (двухтомник), я честно и подробно описал все случаи, когда я был на волоске от смерти. Я – врач и на моих руках в полно сознании умирали много людей. Честное слово, ни один из них не боялся смерти. Известное – *«не смерть страшна, страшно умирать»*, имеет только один смысл – незнание, что такое смерть. Это касается в полной мере и людей верующих. «Чистилище», «ад», «рай», реинкарнация и подобное – все от не знания, что такое смерть. Увы, как показали попытки «аргонавтов смерти», ни на йоту не приблизили нас к знанию, что с нами будет после смерти? Точно также и незаконченные самоубийства... ***Страха смерти принципиально быть не может.*** «Пуганая ворона куста боится» – это не о страхе смерти. В страхе смерти есть многое – страх боли, мучений, потери самообладания, но самого страха смерти нет. Я осознал это глубоко, когда ночью был повержен на землю выстрелами из травматика с целью ограбления (в 2013 году, в Завидово, по пути в свой дом). Я, когда очнулся, наверняка, как потом воспроизводилась картина нападения на меня, не испытывал боли. Но, главное, я понимал, что меня добьют (это делалось, или мне казалось, что делалось) и не испытывал страха. Меня поражала до смеха мысль, что я, вот сейчас, умру здесь, в кустах, в трех шагах от дома, уткнувшись лицом в грязь! Поражала вся нелепость не только моего умирания, но и моей жизни! Мысли скакали, но не было ни одной, которая логически приводила бы меня к необходимости умереть вот здесь и сейчас! Проработав четыре года судебно-медицинским экспертом, а потом, будучи психиатром, я множество раз расспрашивал людей, всех возрастов, обоих полов и самых разных социальных положений, которые повторяли попытки самоубийства. И, если причина была не в психическом заболевании, то в страхе перед жизнью. А то – в презрении к ней, как у Байрона, воспевшего эвтаназию. Профессиональные киллеры, с которыми мне удалось откровенно поговорить (правда, не на свободе), думаю честно признавались, что никогда ни на миг, перед тем, как нажать спусковой крючок или накинуть стальную петлю на шею («модно» было так убивать в 90-ые) «клиенту», они не думали о смерти. У В. М. Шукшина есть хороший рассказ «Охота жить».

Здесь, думаю, нужно сказать о Высоцком:

*«Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, —
Томитесь, как наложницы в гареме!
Срок жизни увеличился – и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!»*

Вспомнить Есенина:

*«Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь»...*

¹ «Куда мы уйдем после смерти? Да, туда же, откуда пришли» (лат.) Мишель Монтень. Опыты. Кн. I

33 для мужчины принять ипостась Христа или Иуды. Это – библейское. Это – литература. «В 45 баба ягодка опять!» – это ближе к истине...

Формула смерти

Здесь мы не будем повторять наши изыскания в попытках математизации старения, старости и смерти. Отсылаем к 3-ему изданию «Формулы смерти». Только подчеркнем, что функциональная асимметрия человека, улавливаемая уже по лицу, несколько и связана с работой полушарий головного мозга, а также с проблемой леворукости (левшества), как мы еще думали, выпуская в Свет первое издание (журнальное, «Человек и закон»). Что в наше время в «исследовании» смерти, несомненно: 1) Смерть связана со старением и старостью... как? Науке не известно. 2) Жизнь имеет возрастной предел. Можем оговориться – жизнь землянина имеет возрастной предел. В известной степени, а, скорее образно, возраст человека можно разделить на: а) биологический, 2) физиологический и 3) психологический. В некотором смысле можно и нужно иметь в виду, что каждый возраст имеет свои параметры, и, вероятно, как-то связан со смертью. Эта связь никому на самом деле не известна. Даже палачу, отсекающему голову (киллеру, пускающему пулю в лоб). История Самсонов знает свыше тысячи примеров, когда Самсон промахивался и жертва на несколько минут продолжала жить. Смерть отменялась. И даже то, что жертва убегала от казни.

Субстанция смерти (загробный мир)

Смерть не имеет субстанции, как не имеют субстанции душа и дух. Мы не знаем, что такое смерть и точно также не знаем, что такое душа и дух. Эти три «вещи» для познания беспредметны. И поэтому не могут познаваться. «Чужая душа» – потемки ровно настолько, насколько потемки собственная душа. С отходом от науки, XXI век успел породить столько абракадабр, которые заполнили наше сознание, что мне трудно представить, когда и как начнется в науке очищение в стремлении к должному – строгой науке! Вот, к примеру, появилась «наука» «клиническая психология». Ей соответствует «практика». Но, что такое «клиника»? Это симптомы и синдромы, то есть признаки и совокупность признаков некоего «предмета» медицины. Психика – не имеет предмета. Ерго – она не имеет ни симптомов, ни синдромов и не может изучаться наукой, подвергаться эксперименту. Точно также Дух и точно также Смерть. Нет субстанции, нет акциденции. Есть лишь фантазмы о небытие, сказки. Тут одна психолог написала мне письмо, в котором обосновывала необходимость изучения квантовой психологии. Да, ловко подсунил фантазером гениальный Эрвин Шредингер кошку, о которой нельзя сказать, жива она или мертва, ибо высказывание переводит состояние кошки в противоположное.

Стигмы – знаки болезни, старения, умирания и, прежде всего, жизни. Стигма или метка – понятие известно испокон веков и у всех народов. Пожалуйста: «Бог шельму метит!» Мы написали книгу. Читайте: Екатерина Самойлова, Евгений Черносвитов. «Пятая книга о пропорциях Человека». (Ридеро, 2018).

*«Смерть, мрак. Нет, нет. Все лучше смерти!»
(Лев Толстой. «Смерть Ивана Ильича»)*

Смерть – явление (как душа и дух) не субстанциональное. Проще говоря, вот умирает Иван Ильич у себя дома – в определенном месте и в определенное время, здесь и сейчас, но это только пока умирает. А, стоит ему умереть (даже пусть смерть будет клинической, принципиально обратимой), как он выпадает из своего пространства и времени туда, откуда он в Белый Свет пришел. «Каждый умирает в одиночку». Точно также, как каждый рождается в одиночку, даже если вслед за ним идет в Белый Свет его братец (братцы) или сестренка (сестры). Вот

это – квинтэссенция смерти! Я эту уловку смерти понял, когда у меня на руках умирал и умер выдающийся московский психиатр, доцент кафедры психотерапии ЦОЛИУ врачей, Виктор Яковлевич Деглин. Он умирал в состоянии самом, пожалуй, приятном (если так можно сказать о состоянии умирания) – в онейроиде. Он был дезориентирован в пространстве и времени и не знал, что находится в реанимационной палате ЦГ МВД СССР. Но мне удалось войти с ним в контакт. В психозе больные бывают контактны, но никогда не бывают при этом доступны. Так, он рассказывал мне, своему ученику, которого узнал, как он с маленьким принцем в Космосе летает с планеты на планету и какие великолепные краски открыты его взору! Я сделал несколько попыток вернуть Виктора Яковлевича на место, в реанимационную палату ЦГ МВД СССР, но безуспешно. Кстати, он не чувствовал боли, не осознавал, что в результате кровоизлияния в мозг его правая половина тела парализована. Ему было хорошо – «космические» красоты открывал ему его другой друг – маленький Принц. Виктор Яковлевич испытывал чувства свободного полета и невесомости. Маленький Принц рассказывал ему смешные истории и Виктор Яковлевич громко (sic!) смеялся. Так он и умер, не зная, что умирает, с широкой и доброй улыбкой на лице. Отсылаю читателя к своей книге «Кремлевская элита глазами психиатра», которую почти полностью опубликовал в журнале «Современное право». Там же можно прочитать не менее поучительную историю, для так называемых, «клинических психологов» «Как умирал Анисим Щелоков» (отец министра МВД СССР Николая Анисимовича Щелокова). Анисим умер на моих руках, одновременно разговаривая языком умирающего и сознающего свое умирания мужественного старика и... лепетания младенца, ибо его держали руки его матери... А, в последнем издании «Формула смерти» советую прочитать о смерти моих друзей, талантливых – русского писателя Петра Паламарчука и самого молодого генерала МВД СССР и всемирно известного композитора Алексея Гургеновича Экимяна – «Алексей Экимян или каждый живет и умирает в своем внутреннем мире» (стр.458—466). Если среди моих читателей еще есть, кто до конца не освободился от многочисленных «Life after life» и «Life after death», советую прочитать великолепную книгу, написанную на основании собственных наблюдений, выдающимся польским писателем Анджеем Кусьневичем «Состояние невесомости».

Здесь повторюсь: мысль проста: умирание происходит в реальном мире, в конкретных пространстве и времени. Смерть наступает (биологическая) там, где все мы находимся до своего рождение, о чем и написал Данте, назвав, правда, это никому неведомую «реальность» смерти «тысячелетием».

Умирание может сопровождаться яркими галлюцинациями. Я ничуть не удивляюсь, что, как в разных частях планеты люди начали читать и горячего обсуждать книги Раймонда Моуди, у которого тут же появились «соавторы», ибо книга произвела типичную психическую эпидемию, они, поклонники, умирая, уже умирали так, как обещал великий Моуди. Меньшую, но не малую волну душевного покоя людей, причисляющих себя к интеллигентам, произвела книга «Центр циклона». (Автор: Лилли Джон, Раздел: Путь к себе). В СССР эта книга не продавалась, хотя и не была запрещена. По рукам ходили экземпляры самиздата.

«Пространство» человека к своей смерти – плотно заполнено порой вещами, которые поражают воображение и вызывают вопрос: «А есть ли предчувствие своей смерти?» Сначала расскажу (я в разных местах это давно рассказываю), что касается смерти Василия Макаровича Шукшина (подробно описано моей женой Мариной Черносвитовой и дочерью Екатериной Самойловой в книге «К истокам русской духовности»). Я никогда не узнаю, почему Василий Макарович прилетел в Москву за два дня до своей смерти, зная, что в Москве нет никого из его родных, а у него – никаких дел. Он позвонил мне на работу – я учился в клинической ординатуре ЦОЛИУ врачей, на кафедре профессора Владимира Евгеньевича Рожнова и сказал, что хочет со мной встретиться. Я попытался перенести встречу на вечер, но он улетал на съемки «Они сражались за Родину». Он зашел в мой кабинет с большим кожаным портфе-

лем, наполненным разными бутылками и бутылочками с настоями алтайских трав и ягод. Все это он аккуратно поставил у стенки за моей спиной. Потом громко вскрикнул, и начал чесать затылок: «Женя, я же тебе не подарил ни одной своей книжки! У тебя нет ни одного моего автографа!» – «Успеешь, подаришь. Какие наши годы?» – «Да нет, давай сейчас! Может у вас в библиотеке мои книги есть?» – «Ты что, Вася, сдурел? Я буду воровать твои книги из больничной библиотеки?» – «А ты знаешь сколько будут стоить мои книги после моей смерти с автографами? Не меньше трех сотен капусты! Давай распишусь тебе где-нибудь. Ну, вот, в истории болезни...» (я сидел за раскрытой историей болезни своего больного). Я молча пристально посмотрел в глаза Василия Макаровича и не дал ему нигде расписаться... На другой день я был в медицинской библиотеке, что в начале Кутозовского проспекта и машинально листал книгу своего друга. Вдруг кто-то громко включил радио: объявили о скоропостижной смерти Василия Макаровича Шукшина... Было без двадцати 12 второго октября. (P.S. В 1989 году, в октябре месяце я был на Капри вместе с советскими писателями, политическими и религиозными деятелями по приглашению иезуитов – «черного папы». Тогда у итальянских коллег я поинтересовался сколько они заплатили бы за книгу Василия Макаровича Шукшина с автографом автора – «300 долларов США» – был ответ. Вечером я пошел в номер гостиницы, в которой мы проживали (La Pineta) Василия Ивановича Белова и выпросил у него пару книг с автографами).

В одну из мучительных ночей, когда я страдал сальмонеллёзом, мне приснилось завидовское кладбище, несколько человек, в том числе и я, стояли у свежевырытой могилы в изгороди, где похоронены тогда были мой папа и моя бабушка. Я стоял у самого края могилы, и кто-то хотел столкнуть меня в нее. Не видел кто. Я резко его отшвырнул и проснулся. Сон был четкий.

Вспомнился еще один случай. Я 15 июля 1990 года прилетел в Барнаул на «Шукшинские чтения», утром. Мой друг, известный алтайский писатель Виктор Горн повел меня завтракать в огромный зал, который был уставлен столами с алтайскими напитками и закусками. Вот мы входим в широкие двери в зал, поперек зала перед нами длинный стол, заваленный яствами. И я вижу, что стол покрыт красным сукном с черной обшивкой. Ясно вижу! Я говорю Виктору: «Мы собираемся праздновать день рождения Шукшина. А стол убрали, как гроб!» Он посмотрел на меня удивленно, ничего не успел сказать, вбежала его жена и сказала, что у меня сегодня умер отец, позвонила Марина из Москвы... Стол, убранный сукном, как гроб – были мои вещи галлюцинации...

Отсутствие страха перед покойниками сделало меня судебно-медицинским экспертом – за три с лишним года я вскрыл три тысячи трупов и освидетельствовал полторы тысячи избитых, изнасилованных и лиц, посягающих на самоубийство. Подробнее читай Первый том «Озорные рассказы из мертвого века» (Ридеро.2018). Исчезновение страха перед аннигиляцией моего «Я» в смерти, сделали меня сначала философом, а потом, вкуче, психиатром – читай второй том «Озорные рассказы из мертвого века» (Ридеро. 2018).

Сознание – субъективная реальность

Понятие «субъективная реальность» я ввел в научный обиход и детально (даже для сегодняшнего дня) разработал. Не собираюсь это доказывать. Просто отсылаю скептиков к журналам «Философские науки» и «Вопросы философии», опубликованные с 1973 по 1985 годы. А также к множеству коллективных трудов, сборников, материалов научных конференций Философского общества СССР, Институтов философии и психологий, института социологии. Глобальная научная общественность оценила мой доклад, как лучший. См.: «Consciousness in the structure of self-consciousness. To the analysis of subjective reality». (Abstracts. V.5. LMPS. 1987). Принятие «субъективной реальности» советскими ведущими философами произошло на конференции, посвященной сознанию, в 1985 году в Институте Философии АН СССР, в отделе профессора Владислава Александровича Лекторского. До понимания сознания как субъективной реальности все его функции сводились к двум: ориентировки в пространстве и времени. В разгаре были споры международного охвата вокруг кошки, съевшей сердце хозяйки. Кратко: за обедом кошка сказала хозяину, чтобы он убил жену, вынул ее сердце и скормил ей. Хозяин безропотно это сделал. Но... он был полностью ориентирован в пространстве и времени, следовательно, сознание его не было нарушено. В моей практике, когда я только постигал основы большой психиатрии в 13 ПБ имении графа Дубровского – в Золино, что под Клином, ко мне в наручниках привезли молодого мужчину, который бурно и буйно доказывал, что он «нормальный». А произошло вот что. Возвращался он с женой и двухгодовалым сыном из отдыха из Крыма. Было жарко. Окно в поезде было открыто. Чета радостно обсуждала детали удавшегося отпуска. Не переставая говорить, отец, как ни в чем не бывало, выбросил своего сына в открытое окно поезда, продолжая беседу с женой. Он тоже был полностью ориентирован в пространстве и времени. Следовательно, был в сознании. Кстати, из больницы он выписался слабоумным. Какого-либо бреда и галлюцинаций у него выявить не удалось. Субъективная реальность – это моя попытка сохранить «Я» от уничтожения в Смерти. Собственно, что такое бессмертие, как не сохранение «Я»? Останется «Я» – остальное не важно! Поэтому, близки были те к истине, кто образом (функциями) сознания считал *зеркало* и *свечу* (См. мою работу «О двух функциях сознания». В сб.: Методика изучения личности и особенностей характера человека. Часть 2. М. ИСИ АН СССР. 1981). Но, зеркала и свечи недостаточно, чтобы, допустим, сознание даровало человеку бессмертие. Читая в молодости «Золотого осла» Апулея, меня мучил вопрос, как герой, охваченный метаморфозами, узнавал себя? При остром психозе есть синдром интерметаморфозы, когда больной также испытывает превращение в иные существа, а не других людей. Русские народные сказки полны такими метаморфозами. Достаточно сказать про царевну-лягушку, вспомнить «Аленький цветочек» или бабу Ягу. Ниже мы еще коснемся метаморфозы «Я-не Я». «Моя бессмертная душа» имеет только один смысл – сохранность «Я». Но, мало в смерти сохранить «бессмертную душу». Нужно еще узнать себя. Поэтому, две основные функции сознания не суть зеркало и свеча. Они есть аутоидентификация и аутоидентичность. Об этих функциях сознания я подробно написал в статье «Самосознание в структуре сознания: аутоидентичность и аутоидентификация». Философские науки. 1985. №3). Аутоидентичность – сознания себя, как Я, суть сложные процесс аутоидентификации. Во многих трудах трех последних веков с научных позиций описаны этапы выхода человека из комы. Здесь сразу заметим, что между глубокой комой и клинической смертью существует тонкая грань. Но, если при выходе из комы человек проходит ряд психологических (и биологических) состояний, начиная с возвращения к «*смутному брожению духа*», как тонко заметил Гегель, в примечании в «Феноменологии Духа», то из клинической смерти он сразу попадает в реальный мир. Это – чрезвычайно любопытно для философских раздумий о смерти, в поисках «иного мира» (загробного). Содержа-

ние «книги мертвых» (сохраненное частично на каменных пластинках), а также – в множественных фантастических «свидетельств» танатологов, типа Муди, не имеет подтверждение в клинике «оживления» (огромнейший опыт накоплен в XX-ом веке реаниматологами). Я считаю, что логичнее говорить о жизни и смерти, считая «клиническую смерть» частным случаем жизни. Жан Поль Сартр был прав, полагая, что «клиническая смерть» и «кома» – качественно разные состояния. Если в коме может быть, но может и не быть психическая жизнь («Состояние невесомости», описанное Анджеем Кусневичем – это как раз психическая жизнь в коме), то в состоянии клинической смерти никакой жизни быть не может (только для реаниматолога клиническая смерть есть частный случай биологической жизни, для умершего клиническая смерть есть смерть). Тоннель, стремительный полет к мерцающему свету в конце тоннеля в сопровождении скарабея – это не смерть, это – умирание! Мы отдаем себе отчет насколько тонки здесь грани между стадиями умирания и смертью; даже биологическая смерть – понятие чрезвычайно широкое: так, человек с «мертвым» мозгом может жить десятилетия – известный случай с одной особой королевского английского Двора.

Вопрос аутоидентичности и аутоидентификации – весьма сложный. Наше безошибочное узнавание себя связано, конечно, с настроением. Даже больше, чем с возрастом. Поэтому и существует весьма ложное разделение «реального» и психологического возраста. При этом различии большое значение имеет самочувствие. Как говорится, «быть в своей тарелке». Немаловажно, как нас воспринимают родные и близкие нам люди. Если они не видят наш неудержимое старение, то психологический возраст (пусть здесь будет без кавычек) будет отличаться и возможно значительно от «биологического». На самом деле есть только один «земной» возраст. Те, кто с этим не считается, часто оказывается «умершим скоропостижно». Да, бывает эмоциональный выброс «омолаживающих» гормонов. Но... в организме нет «кладовки», ни один гормон не содержится в организме про запас. Отсюда, если ты выглядишь моложе своих лет и это твое обыденное состояние, то можешь рассчитывать на то, что в экстремальном состоянии останешься жить и определить это а priori нельзя. О трагедии Николая Амосова, об успехах Федора Углова – двух великих советских медиков, академиков, боровшихся за продление жизни, читай здесь: <https://kp.ua/life/552649-kak-uchenye-pytalys-prodlyt-sebe-zhizn> (см. также Петер Акст «Ленивые живут дольше», написанную им совместно с дочерью – врачом Михаэлой Акст-Гадерманн)

...Как это так, что все умрут и я тоже? Как это так, что Вселенная (не важно, расширяющаяся или сужающаяся) имеет конец? Почему человек не безотходное «производство» (разве природа не могла создать человека без функции выделения, хотя бы, выделения кала, ведь это так просто. И Цельс мог бы это сделать!) – Вот эти для меня проклятые вопросы, которые мучают меня, как я начал размышлять. Мысль моя утыкается в тупик, когда я ищу ответы на данные вопросы. Но, если бы только это? А сколько еще «мелочей» на которые не находишь простого ответа? Вот, два, нет три вопроса, тоже беспокоящие меня с детства и имеющие прямое отношение к Смерти, то есть, к **Ничто-Небытию.**

Я смотрю в зеркало и думаю, что вижу себя (как и все люди на Земле, даже Алиса Люиса Кэрролла). Но, из зеркала на меня смотрит человек, у которого все наоборот. Все «правое» есть «левое», а все «левое» есть «правое». У нас, землян, нет возможности увидеть себя такими, какие мы есть наяву! И на фотокарточках, и на киноплёнке – везде наши двойники! И, испокон веков люди ошибаются, утверждая, что, в *какой колодезь не загляни – всюду твое лицо!* Допустим, что душа наша сразу не испаряется, как утверждает народная и ученая (окультурная) мудрости. Тогда в гробу действительно она видит не себя, а своего двойника. Кто может доказать, что все люди на земле не двойники себя? Ведь у животных не так. Самое разумное животное – человекоподобная обезьяна, способная к обучению или дельфины, не узнают себя в зеркале! У меня восемь месяцев назад оценилась чихуахуа, принесла мне прелестных мальчика и девочку. Так вот, начиная с четырех месяцев собачки с удовольствием, запрыгивая

на скамейку, смотрятся в зеркало. Но они видят не себя, а другую собачку! Они даже не путают свое отражение со своей сестренкой или братишкой, а начинают беспокойно искать собачку, которую они увидели в зеркале, если я зеркало переворачиваю.

Животные, которые могут с любопытством смотреть в зеркало, как мои Вики и Теодор, если убираешь зеркало, начинают искать именно ту собачку, которую видели в зеркале, не обращая внимание на реальных братишку или сестренку. Они ищут свое *alter ego*! А у нас, у людей, alter ego суть половинка гермафродита (читай у Платона, Бальзака про Серафимов; несчастный Альбрехт Дюрер всю жизнь искал свою половинку по пропорциям, даже шил женские платья и писал свои автопортреты в них, а потом заменив пропорции на *простые* числа и числа, из ряда **Фибоначчи**, получил «автопортрет» в виде «**Молодого человека**».

Альбрехт Дюрер «Портрет молодого человека», 1521 год.

Альбрехт Дюрер «Автопортрет с чертополохом», 1493 год.

А это я, по пропорциям Альбрехта Дюрера нашёл его мадонну – alter ego.

(Читай: Екатерина Самойлова, Евгений Черносивтов. «Пятая книга о пропорциях человека» Ридеро, 2017)

Да, здесь пора подчеркнуть, что для меня **смерть** суть **tabula rasa**. Не в банальном, конечно, смысле.

Сколько берез на Белом Свете (развивая идею Николая Ануфриевича Лосского, опередившего Карла Юнга с архетипами на 12 лет)?

В моей усадьбе я посадил березу. За два года она хорошо подросла. Тогда перед березой, у завалинки, я выстрогал скамейку. А, так как моя усадьба не имеет изгороди, на скамейке в погожие дни стали собираться бабушки. Скамейка вмещала четырех бабушек, одна из них всегда приходила с внучкой и брала ее на руки. Березка росла прямо перед ними в метрах десяти. Старушки болтали о том, о сем, в разговор иногда вмешивалась и девочка. Было Анютке, так звали красавицу, 5 лет. Я как-то спросил бабушек – 50 лет, 61 год, 69 лет, 79 лет и 82 года – нравится ли им березка? До моего вопроса они о березе не разговаривали, хотя, как оказалось, каждая из них о ней и думала и меня благодарила, что я так удачно березку посадил. Я взял диктофон и попросил каждую старушку рассказать о березке и Анюту тоже. Читатель, чтобы я не заполнял здесь лишние строчки, не буду описывать, как мне представили березку старушки и Анютка. Придется поверить, что по рассказам бабушек получилось, что перед скамейкой, на которой они сидели, росло пять разных берез и одна береза Анюты. И, самое главное – ни одна береза, о которой мне рассказали бабушки и Анюта, не были похожи на растущую, сама по себе, березку, ту, которую я посадил и которую я видел. Получилось, что перед скамейкой с бабушками росло 7 берез, если учитывать мою. А, возможно, ни одной березы не росло перед скамейкой – посаженная мной березка, так не похожая на березки, о которых мне рассказали бабушки и девочка. Это, как говорят философы, отстаивающие данную нелепость, не *объекта без субъекта*. Но, точно также сейчас говорят и физики, которые наблюдают микромир. Эрвин Шредингер со своим то умирающим, то оживающим котом вообще запутал

дело и там, в мире квантов и кварков. «Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была? – Там, где я и есть, конечно... – Тебя бы тогда, вообще нигде не было! Ты просто сносишься ему во сне...» – Это, как все понимают, об Алисе из Зазеркалья.

Здесь открывается огромная тема: **«Сон, Смерть, Иллюзии Жизни»**. Пока мы их касаться не будем, как и фантазмов, перед которыми пасовал даже Владимир Ильич Ленин, ирландского философа Джорджа Беркли, утверждающего, что **«бытие – это или то, что воспринимается, или тот, кто воспринимает»**. Что же касается **«Сон, Смерть, Иллюзии Жизни»**. Отсылаем читателя к великим испанцам – Лопе де Вега, Кальдерону, Сервантесу. Или – поближе к нам, лауреатке конкурса **«От Сервантеса до наших дней» 2018 года, Марине Черносвитовой**, указав на ее феноменальную повесть, которой восхищался Борис Стругацкий и ставивший повесть Марины выше своего **«Пикника на обочине»**. Речь идет о **«Рине Грушевой»** (Ридеро, 2018 год)

«Знание есть процесс дифференцирования действительности путем сравнения» – Николай Онуфриевич Лосский.

В 1896 году Николай Онуфриевич преподавал философию рабочим в школе рабочей молодежи в Петербурге. Это было за семь лет до знаменитой ссоры Альфреда Адлера и Зигмунда Фрейда. Наблюдавший эту ссору Карл Юнг открыл типологию личности, ставшую такой знаменитой. Я имею в виду экстравертов – яркий представитель Альфред Адлер, и интровертов – яркий представитель, по Юнгу, Зигмунд Фрейд. Потом он обозначил свои типы, как линии Аристотеля и Платона. Николай Онуфриевич Лосский не открывал типов личности. Его интересовал процесс познания человеком, той его составляющей, которая дана человеку с рождения до смерти. Рабочим он наглядно показал, что существуют три формы познания и зависят они не от человека, а от его позиции во всех актах познания всю жизнь. Лосский нарисовал мелом огромный шар и поместил познающих шар в три позиции: одного посадил в шар, другого – на шар, а третьего поставил возле шара. Вопрос ко всем познающим был один – как выглядит шар? Естественно, что получалось три бескомпромиссных ответа! Работы Н. О. Лосского лучше всего читать в журнале «Вопросы философии и психологии» (журнал, издававшийся в Москве с ноября 1889 до 1918 года при Московском психологическом обществе. Вдохновителем создания и первым главным редактором журнала был Н. Я. Грот). В одной из статей на вопрос, что такое смерть для умершего Николай Онуфриевич применил образ шара, познающего тремя философами. Он сказал буквально следующее: «Смерть для того, кто умер – это одно и что это такое мы не узнаем, пока не умрем. Но это далеко не одно и тоже для всех умерших. Потому что, есть смерть для тех, кто знает, что умирает (находится на шаре). И есть смерть для тех, кто не знает, что умирает (обычно в таких случаях говорят о преждевременной смерти); даже когда ты стоишь на эшафоте и палач готов накинуть тебе петлю на шею, это еще не значит, что ты умираешь и «видишь» смерть. Те, кто знает, что умирает, могут умереть безвозвратно и с ними умрет их представление у смерти. Если же они не умрут (клиническая смерть не перейдет в биологическую), то чаще всего после оживления они все забудут. Напомню о своих умираниях, из которых я запомнил только первое (читай выше). В ряде институтов мозга, начиная с широко известного института Испания – США Хосе Дельгадо и наших институтов в Москве и Ленинграде, проводились эксперименты. На голосовые связки надевались датчики и человека вводили в состояние клинической смерти. Не нужно было давать особые инструкции, чтобы умирающий говорил, что видел. В любом случае все умирающие непременно говорят в состоянии клинической смерти и получается речь, как правило, спутанная. Таким образом до сих пор наука ни на йоту не придвинулась к знанию, что есть Смерть? Повторюсь – точно также и к знанию, что есть за границей Вселенной? В «Этике Вселенной» (в «Монизме Вселенной» повтор) Константин Эдуардович Циолковский писал, что *«...нас ослепляет близость Земли...»* Смерть он представлял очень подобному. Душа человека превращается в частицу, подобную электрону, прилепляется к другой

такой же частицы и отдыхает... миллиарды световых лет. Потом просыпается и оказывается в своей Вселенной со своей Землей. Чтобы понять космологию Вселенной, Бытия и Небытия, как это представлялось Циолковскому, можно попробовать через «ключик» – заменить Космос Небом. Как виделось Николаю Клюеву и Сергею Есенину. Или Спиридону Дрожжину, а то и Василию Ивановичу Белову – в «Ладе» (см. Марина Черносвитова, Екатерина Самойлова. «К истокам русской духовности», а также мою книгу, издание 2, «Пройти по краю. Василий Шукшин – мысли о жизни, смерти и бессмертии).

«Средний показатель длительности жизни в России:

для мужчин – 65,9 лет;

для женщин – 76,7 лет.

Средний срок жизни у пенсионеров мужского пола сегодня составляет 3—4 года, а у женского – 17—18 лет». На это я наткнулся случайно в Дзене. В голове тут же появилось «... а до смерти четыре шага». Я поучаствовал в попытках объяснения, почему именно «4»? Написал, что у многих народов цифра «4» символ смерти. У Суркова – это гениальный прорыв в стихи, написанные перед боем («Землянка»). Запрыгали мысли, что никто из живущих на Земле не имеет никакой гарантии, что, ложась спать, он проснется. Или, что, проснувшись, он вечером будет жив, чтобы вновь лечь спать. Это я утверждаю, как врач с 40-ка (sic!) летним стажем клинической работы и четырьмя (sic!) годами работы судебно-медицинским экспертом. Мне смешны потуги ущербных человечков утвердиться в жизни. Например, современных российских нуворишей строить себе квартиры в 1,5 квадратных километра или иметь «самую большую яхту». Жалко таких и эта жалость сродни жалости, какую Василий Макарович Шукшин испытывал к тем, «кто под холмиком» («На кладбище»). Здесь я скажу о своей *формуле смерти*. Одноименная книга вышла тремя легальными тиражами и переведена, наверное, на все цивилизованные языки. Ее, в принципе, можно вычислить, имея три обыкновенных фотокарточки разных лет. Но... есть большое «НО». Человек, вычисливший свою формулу смерти тоже не имеет никаких гарантий, что проживет столько лет, сколько у него получается по формуле Эрвина Шредингера или какого-нибудь другого математика. Все дело в том, что по разным причинам мы можем в миг, как с «шагреновой кожей» потерять всю свою, гарантирующую нам жизнь, функциональную асимметрию. Есть у нас, русских, такое наблюдение: «Да на тебе же лица нет!» Не буду здесь повторяться и описывать случаи из своей практики единичных определений функциональной асимметрии. Читайте книгу «Формула смерти». Лучше – издание 3 (Ридеро).

Социум и смерть

Между человеком и смертью находится Социум. Это, конечно, сейчас, прежде всего, виртуальная реальность. Еще Сен-Симон, основоположник социологии и выдающийся психолог отрицал научный подход к смерти. Именно из-за того, что человек, задумываясь о смерти, тут же попадает в один из «капканов», расставленных ему социальными условиями, в которых он *«дожил до мысли, узнать, что такое смерть»*. Не мудрствуя лукаво каждый, кого волнует, что с ним будет после того, как он умрет (сказать «после смерти» уже, по сути, мотивироваться мыслью, что ты бессмертен), думает только о своем «Я», «бессмертной душе» (если все же верить, что у всех людей есть души и только у Сергея Юрского, по его признанию – см. выше – *«души нет»*). Но, не было и нет на Белом Свете мудреца, который мог что-то сказать о «Я», не сказав о «не-Я»! Не будем это доказывать за очевидностью положения вещей. С «не-Я» в мир приходит Смерть и все, что о ней надумали мыслители всех веков и народов. Мы «выносим за скобки» (хорошее выражение Эдмунда Гуссерля, не верящего в бессмертие) мудрствования «ученых», которые вещуют «о жизни после смерти» «с точки зрения науки». Нужно отметить, что и великие ученые, чаще всего математики и физики, в вопросах смерти остаются, как правило, обывателями. Мы не затрагиваем великие мировые религии в вопросах о смерти, ибо это не наше амплуа, а о «симбиозе науки и религии» – можно говорить все что угодно, кроме того, что есть смерть. Так вот, социум («социалка», по выражению некоторых наших «властелинов колец») может умирающему человеку в скором времени, по нашему мнению, предложить «виртуальное бессмертие», предлагает же и дает уже виртуальный секс! Нет необходимости перечислять все, что предлагает Социум человеку, который жаждет бессмертия – это легко найти в интернете. Самое отвратительное, с моей точки зрения врача, это когда врачи торгуют бессмертием. Прежде всего – «продлевают за хорошие деньги» молодость. Нет, глупо бороться с дельцами, омолаживающими брэнное тело человека. Да и бесполезно, ибо на их стороне толпы, охваченные психическим безумием, заложенным в «мине» вечной (или – продолжительной до ∞) молодости. Если бы хоть один, вступивший на стезю омолаживания, подумал бы с уважением о своем теле, ибо, если от состояния тела зависит продолжительность жизни, то с телом нужно делать то, что делали древние богатыри египтяне (не только фараоны и жрецы). Не бросать его в сырую землю с червями на два метра, произнося противоречивое – *«пусть земля тебе будет пухом...»* и одновременно *«царство тебе небесное»*. Я уверен, что не из-за невежества и лени забыто полное пожелание «земли пухом»! Вот это: *«Пусть земля тебе будет пухом, И мягко покрывает песок, чтобы собаки могли вырыть твои кости»*. А – бальзамировать (по моим данным в наше время развивается новая психическая эпидемия среди нуворишей – бальзамировать себя после смерти, как в Италии – см. фильм «Сиятельные трупы» (Cadaveri eccellenti) Франческо Роззи). Пока же «увекочивают» свои брэнные останки путем, завещания своего трупа музею Гюнтера фон Хагенса (Gunther von Hagens):

Миллиарды несуществующих людей.

Вглядитесь в эти лица! – Все эти люди не существуют и никогда не существовали. Каждый раз при заходе на сайт This Person Does Not Exist нейросеть формирует новое изображение несуществующего человека. Это может быть мужчина или женщина, взрослый или ребёнок, европеец или азиат. Некоторые изображения кажутся вырезанными из групповых фото. Для обновления картинки просто обновите страницу браузера (можно нажимать F5). «Фотографии» формируются алгоритмом StyleGAN, разработанным компанией nVidia. Сайт запустил разработчик Uber Филипп Ванг. Помимо человеческих лиц, алгоритм StyleGAN умеет создавать несуществующих котов и аниме-персонажей, так что ждём появления котогенератора («Я кот, Сам по себе кот, свой собственный!» – С банки сметаны «Простоквашино», от кота Матроскина).

(© 2019, Алексей Надёжин)

Это любопытно. Больше того, интересно бы знать мнение на этот счет Джотто. В Википедии о нем можно прочитать: *«Итальянский художник и архитектор, основоположник эпохи Проторенессанса. Одна из ключевых фигур в истории западного искусства. Преодолев византийскую иконописную традицию, стал подлинным основателем итальянской школы живописи, разработал абсолютно новый подход к изображению пространства. Работами Джотто вдохновлялись Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело»*. Советую прочитать Марину Черносвитову. Губы женщины. Золотое сечение. Только с ним можно было преодолеть догмы Средневековья (см.: Марина Черносвитова). Неистово искал новый идеал прекрасного Джотто ди Бондоне или просто Джотто (итал. Giotto di Bondone) (ок.1267—1337) – итальянский художник и архитектор эпохи Проторенессанса. Одна из ключевых фигур в истории западного искусства. (Екатерина Самойлова, Евгений Черносвитов. «Пятая книга о пропорциях человека» Ридеро. 2018). До Джотто вся святые и мадонны были плодом воображения художников. Джотто первый начал писать портреты с реальных людей. Следует также заметить, что художники и после Джотто, вплоть до Серебряного века, предпочитали писать портреты несуществующих людей. Взять к примеру Илью Глазунова (за исключением портретов тех, кто ему позировал). «Блоковская незнакомка» Ильи Глазунова существует в трех лицах и только одно близко к лицу девушки, которая позировала Илье (Наталья Ивановна Иванова). Здесь уместно сказать несколько слов о «научном понятии» – паразите, «нейросистема». А ргіогі нейросистема (системы) конечно есть. Частично они определены и описаны академиками Иваном Павловым и Алексеем Ухтомским. Но, как они работают, тем более в плане дублирования объектов познания, до сих пор неизвестно. Так что утверждать, что «Фотографии» формируются алгоритмом StyleGAN, разработанным компанией nVidia» и показывает фото никогда несуществующих людей – ненужная мистификация. Интерес к «никогда несуществующим лицам» понятен. А, вдруг, это лица людей, погибших в зародыше и продолжающих существовать в коллективном подсознании каждого человека люди, для которых смерть – иная просто реальность? Как для героев сюрреального фильма (по жанру, а не по содержанию) «Пассажиры» (англ. Passengers – драматический триллер 2008 года, снятый режиссёром Родриго Гарсиа по роману Ронни Кристенсен. В главных ролях Энн Хэтэуэй и Патрик Уилсон. В США был выпущен 24 октября 2008 года компанией TriStar Pictures. Самолет потерпел катастрофу и погибли все пассажиры и команда.). Каждый пассажир, понимая, что умер, просто двигался дальше, а Клэр была одним из тех, кто этого ещё не осознала это и продолжала жить и «полноценно общаться» с покойниками, один из которых стал ее любовником. И она пережила с ним «наяву» все прелести секса и вообще разносторонней жизни. К примеру – секс ночью, в море. И настолько убедительно все показано, что volens-nolens возникает мысль (и жуткое ощущение – не случайно фильм триллер): до поры до времени все покойники авиакатастрофы и думали, и чувствовали себя живыми людьми. Пока случай не раскрывал им карты – с неоспоримой очевидности показывал, что их «жизнь» есть загробная химера. Откуда-то возникло же

такое, что все умершие, в мгновение смерти переживают, как реальность, всю свою жизнь (заметим, благо, что времени и пространства в смерти нет)...

Вот, теперь можно говорить, что «есть» и другой вариант смерти – покойник «продолжает жить дальше, вкушая все прелести и горести! Нет, смерть не оставляет нам никакого шанса на жизнь. Все, что мы знаем испокон веков о смерти сказано или написано, а теперь показывается – живыми людьми.

Кто знает Пушкина, знает, что он много думал о смерти, не меньше, чем его кумир Байрон. В «Памятнике» пушкинское видение смерти:

«Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...»

Если возвращаться к живым покойникам-пассажирам и команде разбившегося лайнера, то с философской точки зрения тех же экзистенциалистов, прежде всего Сартра, они не могут существовать, ибо аутоидентичность разорвана с аутоидентификацией (в отличие от кота Матроскина с банки сметаны «Простоквашино»). Мы видим, благодаря кино, «пассажиров» – «живых мертвецов», вернее,двигающихся дальше по траектории жизни, «бывших людей», якобы сохранивших такие атрибуты жизни, как самосознание, чувственность, память, но все же это мертвецы:

«Мертвецы, освещенные газом!
Алая лента на грешной невесте!
О, мы пойдем целоваться к окну!
Видишь, как бледны лица умерших?
Это – больница, где в трауре дети...
Это – на льду олеандры...
Это – обложка романсов без слов.
Милая, в окна не видно луны.
Наши души – цветок у тебя в бутоньерке».

(В. Даров – псевдоним Валерия Брюсова)

– вот образ жизни после смерти по инерции: то есть – жизни после жизни, как символа смерти.

(В стихах Марка Валерия Марциала читаем: «Sit tibi terra levis, molliquetegaris harena, Ne tua non possint eruere ossa canes»: «Пусть земля тебе будет пухом и мягко покрывает тебя песок, так, чтобы собаки смогли вырыть твои кости».

They Shoot Horses, Don't They?²

«Я не люблю фатального исхода. От жизни никогда не устаю».
(В. В. Высоцкий)

Первые две строчки песни Владимира Высоцкого я понять не могу: а именно – почему они вместе? Если только так, по-простому, что фатальный исход жизни не связан с усталостью? И действительно, как патологоанатом могу утверждать, что от усталости вряд ли умирают! Правда, усталость усталости рознь. Чистая, так сказать, физическая усталость, скорее вызовет приятные ощущения, если она удовлетворяется, у человека есть возможность отдохнуть.

В крайних из них случаях мы «падаем от усталости» и засыпаем. Высоцкий, конечно, имел в виду «психическую усталость». Это разные состояния. В них или фрустрация, или депрессия, или дисфория (внутренний дискомфорт), раздражение от монотонности. Если Высоцкому все эти состояния не знакомы, то можно о поэте говорить, что он «идеал «психического здоровья», как сказал о Пушкине выдающийся русский психиатр, Владимир Федорович Чиж. Но, вся песня Высоцкого «Я не люблю» – перечень иллюстраций состояний с которыми бороться бесполезно, следовательно, от них легко устать.

...Я высказался об усталости, как о тяжелом психическом состоянии. В фильме Сидни Поллака показана прежде всего психическая усталость, состояние нетерпения сердца. Физической усталости нет. Есть физическое истощение от голода. Название фильма очень точно: от психической усталости не умирают: загнанных лошадей пристреливают. Или они сами пристреливаю себя. В моей врачебной практике судебно-медицинского эксперта и психиатра – сорокалетней, не было ни одного случая самоубийства или внезапной смерти, которым предшествовала бы фрустрация. Это, чрезвычайно тяжелое состояние все же не лишает человека надежды, из-за чего, собственно, и развивается фрустрация, как неудовлетворенность, но не как безысходность. Фрустрация скорее, конечно у определенных личностей, вызовет протест в виде истерии или, не реже, а чаще, психосоматики.

В середине прошлого века стали много писать о «скрытой депрессии», вызывающей физические (соматические) недуги. В Википедии можно легко найти имена ведущих терапевтов и психиатров, посвятивших себя изучению и лечению «маскированной депрессии». Нужно сказать, что основоположником клинической психосоматики был советский выдающийся терапевт Дмитрий Дмитриевич Плетнев. Советую, читатель, прочитать об этом великом враче хотя бы то, что написано в Википедии.

Психическая усталость ищет в этой жизни, а не в смерти, решения своих проблем. И с патологоанатомической точки зрения, даже соматические болезни, вызванные фрустрацией (психосоматические) не приводят к смерти.

Вряд ли, читатель, найдет описание случая внезапной смерти от сердечно-сосудистой недостаточности, вызванной психосоматическими причинами – психической усталостью (что, кстати, хорошо подтверждается и Плетневым, выдающимся кардиологом). Я хочу, как бы связать психическую усталость и физическую изношенность того или иного, жизненно-важного органа человека. В последнем случае так и напрашивается мысль об изношенности от старости.

Кстати, стихотворение Владимира Высоцкого «Я не люблю», с явной недоговоренностью, возможно, скрытой ассоциативной связью. Я уже указал на отсутствие логической (эмоциональной) связи между первой и второй строками. «Я не люблю фатального исхода. От жизни никогда не устаю».)

Точно также вот между этими строками:

² Загнанных лошадей пристреливают. Не так ли? (англ.)

*«Я не люблю насилье и бессилье,
Вот только жаль распятого Христа».*

«Верь мне: благо тому, кто живёт в благодатном укрытье, Определённых судьбой не преступая границ» – (пер. Н. Д. Вольпин. Публий Овидий Назон // Скорбные элегии. Письма с Понта)

От усталости не умирают и точно также не умирают от старости (возраста). Смерти в первых и вторых случаях происходят от условий, в которых люди устают и стареют. Иначе говоря – все причины смерти в социуме. Социум – посредник между бытием и небытием. Я отдаю себе отчет о всей сложности (запутанности), как в прошлом веке говорили, муссируя, социально-биологических причин и усталости, и старения, и смерти. Но! Смерть не predetermined усталостью и возрастом. Наоборот, усталость и возраст predetermined смертию. Она, смерть – граница между социумом (бытием) и смертию (небытием). *Post hoc non propter hoc*³. «Причина» смерти, как верно считал Артур Шопенгауэр, вещь запредельная для человеческого разумения. Бальзак остроумно заметил, что, даже когда самоубийца стреляет из пистолета себе в висок и убивает себя, на самом деле не он убивает себя, а пистолет! Логично причину смерти самоубийцы приписать пистолету, из которого он застрелился, чем его «Я» – *бессмертной душе*.

Для иллюстрации некоторых моментов выше сказанного об усталости, старости и смерти, приведу два примера из собственной практики судебно-медицинского эксперта. Молодой мужчина, интеллектуально и физически развит, был безумно влюблен в особу (ему 26 лет, ей 20 лет), на которой хотел жениться и от которой хотел иметь детей. Она отвечала по-своему ему взаимностью: они жили регулярно половой жизнью. Он был предан ей, но у нее были и другие мужчины: она заставила «жениха» с этим смириться, в противном случае грозила его бросить. Было это в 1969 году в Николаевске-на-Амуре. Я запомнил даже фамилию молодой женщины – Леонова Вера, а вот фамилию ее несчастного жениха забыл. Он уговаривал Веру 2 года. Потом, проводив Веру домой после очередного свидания в 23 часа (было это в конце мая), вернувшись домой, вырвал из школьной тетради листок и крупно на нем написал чернилами: «Устал!» И больше ничего! Лег, не раздеваясь на диван, вытянулся и умер, с руками вдоль туловища, голова лежала на маленькой подушке. При аутопсии никаких заболеваний или пороков. Смерть наступила от острой сердечно-сосудистой недостаточности. «Причиной» для неё была только «усталость» (от уговоров возлюбленную выйти за него замуж). «Невеста» пережила смерть «жениха» без эксцессов: участвовала в приготовлении похорон, поцеловала «жениха» в гробу, перед тем, как закрыть гроб крышкой. Первая бросила горсть земли в могилу... Через три месяца вышла замуж. Через девять месяцев родила дочь. Мой «катамнез» три года: Вера родила еще одну дочь. Брак состоялся. Семья была «без проблем». Муж Веры был другом ее покойного «жениха», его ровесником. По моим сведениям, второй ребенок у Веры был не от ее мужа.

В июне 1969 года я вскрывал труп портового бомжа. «Скоропостижно» скончался у себя в ночлежке – в ржавеющем на берегу у причалов, катере. Борису Яковлевичу Афонникову было 82 года. В порту его знали, кормили в столовой, поили в кафе. Так, что он был и сыт, и пьян, и старостью не тяготился. Он был прописан в Николаевске-на-Амуре, в частном доме, который давно продал и пропил. Родных у него не было. В местную поликлинику никогда не обращался. Не болел последние 20 лет, точно.

На вскрытии – полный патологоанатомический атлас! Особенно впечатляло сердце. Тотальная дистрофия сердечной мышцы, которая была дряблая, землисто-серого цвета. Коро-

³ После этого не значит по причине этого. (лат.)

нарные сосуды были окаменевшими от атеросклероза и торчали из миокарда, как (есть такое сравнение у патологоанатомов) «куриные перья» (это, когда курицу не до конца ощиплешь). Они ломались, как спички. Трудно было представить, как по таким сосудам циркулировала кровь? Но... умер он также от «острой сердечно-сосудистой недостаточности» – никаких заболеваний у Бориса Яковлевича не было. Внутренние органы с дистрофией и атрофией соответствовали возрасту. В какой степени на их состояние – например, на цирроз печени, повлияло хроническое употребление алкоголя, наверняка в том числе и суррогатов алкоголя, например, антифриза, судить не возможно – *все смешалось...* От чего умер Борис Яковлевич Афонников? От старости? От перерождения внутренних органов? Здесь замечу, что для мужчин прошлого века 82 года – возраст, наиболее богатый смертями. А сегодня?

«82-летний учитель ОБЖ записался в секцию тайского бокса и обижается, когда противники жалеют его на ринге» (Комсомольская правда. Ростов-на-Дону. 27.02.2019).

Шекспир не читал Овидия? Тот ясно выразился: *«Bene qui latuit, bene vixit»*⁴. А, как быть со смертью? Ведь от нее не спрячешься и «хвостатые клетки» не восстанавливаются, и эмбриональные клетки вызывают только рак, судя по многочисленным публикациям (см. *Формула смерти*). Изд.3.).

⁴ Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался. (лат.)

Солярис как он есть и дети ГМО

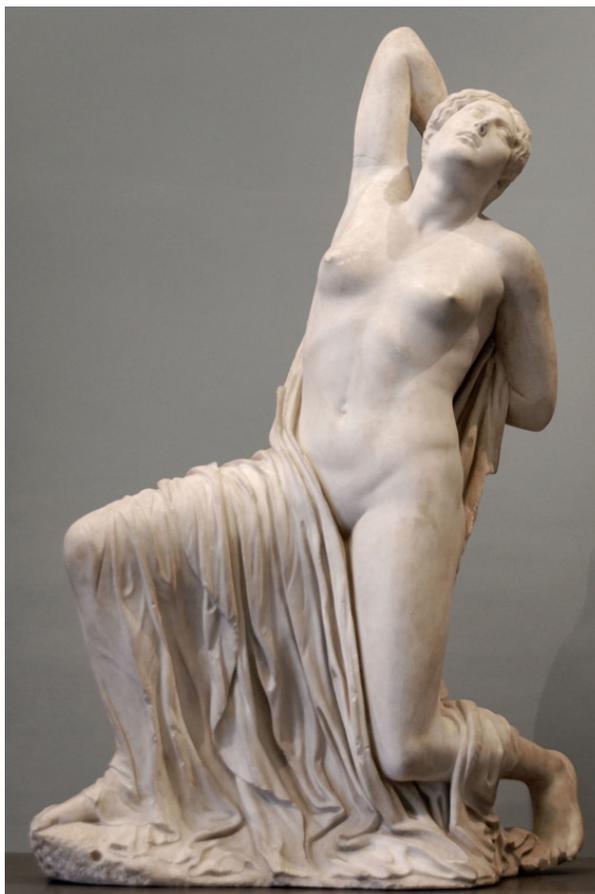
(фото мое – Е. Ч. На фото рука, направленная к Джуне и колено принадлежат Станиславу Лему)

МОСКВА, 30 ноября – РИА Новости, Альфия Еникеева. Китайский исследователь Хэ Цзянькуй в интервью агентству Associated Press 26 ноября рассказал, что отредактировал геномы человеческих эмбрионов перед процедурой искусственного оплодотворения, в результате чего на свет появились двое детей с измененной ДНК. Научное сообщество резко осудило работу ученого. В КНР началось расследование, все опыты с человеческим геномом временно запрещены. РИА Новости разбирается, почему эта история могла произойти только в Китае и чем она так напугала весь мир (см.: <https://ria.ru/20181130/1533952599.html>)

Читай также Александр Панчин «Сумма биотехнологии. Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей». Но сначала «Сумму технологии» Станислава Лема, главу, где он вводит термин «*автоэволюция*» и философствует (резонерствует) вокруг своего неологизма.

Фантасия, египетская жрица, муза Лема, наслала на него много химер, которыми он поделился со своими почитателями. Мыслитель и грамотей, великий художник слова, Станислав – а это я знаю не из книг или с чьих-то слов, а от удачи общаться с ним лично и не на текущие темы, а в разговорах о Вечности. Возможно у великого человека, каким я честно считаю Станислава Лема, были свои личные мотивы выдумать «автоэволюцию». Но я не попал под очарование его слов и логику доказательств, что таковая возможна. Я очень старался, но мне не удалось довести до его сознания, что человек по сущности своей *аутоагрессивен*. Я приводил Лему доводы Мишеля Фуко: уж он-то на своей шкуре испытал, что значит быть *сознательно аутоагрессивным*. Здесь поясню, что с точки зрения и общей психопатологии, и частой психиатрии, синдром аутоагрессивности – столбовой при психических болезнях,

в норме от сознания, так называемого здорового человека, а великий фантаст Станислав Лем был по натуре очень здоровый (в отличие от моего кумира Фуко), скрыт. Подчеркну это, сказав безапелляционно, что аутоагрессивного самосознания быть по самой сути «Я», не может. Я был очень польщен тем, что эту мою точку зрения и на аутоагрессивность и на автоэволюцию, разделял также великий фантаст Борис Стругацкий, с кем я не только просто общался, но, можно так сказать, вместе работал над сценарием художественного фильма, по рассказу моей жены Марины, «Рина Грушева» (читай кое-что об этом рассказе выше, да и сам рассказ, лучше в первой редакции, опубликованный под моим именем и с названием «Чертовщина» в журнале «Смена». Сентябрь, 1989).

«Ниоба», Национальный музей Рима.

Ниоба – символ смерти. Это слова Бориса Стругацкого. История Ниобы, Лето и детей обеих богинь, для меня подсказка к *аутоагрессивности* и *автоэволюции*. Кстати, в свое понятие *автоэволюции* Лем не вкладывал идею личностного бессмертия. «Смерть» для него и как для человека, и как для ученого-фантаста, не была актуальной проблемой. Вот, что уж точно, имея в виду Станислава Лема, *Фантасия* – жена *Разума* и прислужница *Мудрости*. Весьма непривлекательная особа, если посмотреть, не фантазируя (sic!)

«Не ищем мы никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало [...]. Мы хотим найти собственный, идеализированный образ, это должны быть миры с цивилизацией более совершенной, чем наша. В других мы надеемся найти изображение нашего примитивного прошлого» (Станислав Лем о «Солярисе»).

Автопортрет моего брата, Павла Юрьевича Черносвитова, ученого, философа, путешественника, романтика. Это он на Шпицбергене.

Андрей Тарковский боялся смерти. Этим объясняется его дружба с Джуной. Но он не хотел афишировать свои отношения с Джуной и я точно не знаю, принимал ли он у нее сеансы гипноза. Джуна была заинтересована в Тарковском, ибо надеялась, что он снимет ее в одном из своих фильмов. Она хотела, пусть в эпизоде, чтобы Андрей снял ее в наряде персидской царицы. Известный художник, который принимал сеансы у Джуны, нарисовал ее портрет в этом наряде. Тарковский не отказывал Джуне, но все знали, что в никакой фильм Тарковского Джуна не попадет. Станислав Лем встречался с Андреем в квартире у Джуны. Ее гипноз на Лема не действовал и страха смерти он не испытывал. Он неистово искал, что там, за «горизонтом Жизни», и его поиски приводили к оному – Всевышнему Разуму. Так появился Солярис.

Я думаю, что моя дружба с Андреем также объяснялась его страхом смерти. Со слов Джуны, я интересовал его, как врач, а не как личность. Когда я Джуне сказал, что я считаю, что мы с ним будем друзьями, Джуна мне возразила, что «не будите... Андрея не интересуется психологией и психологами, он интересуется Вселенским Разумом». Я пересказал Лему наш разговор с Джуной, и что я расстроен, и сожалею, что загружал Андрея психологией. Я как раз сдал в журнал «Москва» Вере Дмитриевне Шапошниковой несколько своих психологических рассказов. Рецензию на мои рассказы написал Михаил Шолохов: «Удивительно прекрасный материал! Срочно в набор!» Но «куратор» Москвы увидел в моих рассказах подражание западным писателям и именно в психологизме. Например, автору «Над пропастью во ржи» и «Хорошо ловится рыбка-бананка». Получилось, что «куратор» с Андреем были одного мнения в отношении психологии. В СССР психологии ведь не было. Мой друг Михаил Ярошевский был историком западной психологии, а, учитель, Владимир Евгеньевич Рожнов – психотерапевтом. На Западе их считали выдающимися советскими психологами... Я прямо спросил Андрея, когда он, шутя наверное, сказал мне, что жалеет, что поздно со мной познакомился, ибо тогда врачом, проводящим сеанс гипноза Алеше, был бы я, о его отношении к психологии. Он покраснел, и, заикаясь, сказал, что на самом деле он считает психологию не наукой, но верит, что человек, вроде Джуны, может оказывать лечебное воздействие на другого человека. Станислава не интересовала ни психология, ни Джуна. Да и Андрей был для него интересен постольку, поскольку готовился снимать фильм по его произведению. Фильм «Солярис» Тарковского Станиславу не понравился. С Андреем дружеских отношений у Лема не было. Станислав не навестил в больнице умирающего Тарковского, хотя был в это время в Париже. Я склонен мистифицировать человеческие отношения (по гречески *mistikos* – таинственный). Считаю, что все наши встречи и характер отношений между людьми до мелочей как-то запрограммированы. К таким взглядам я пришел, анализируя свои отношения, прежде всего с женщинами. С Андреем Тарковским у меня был один эпизод, который свидетели его считали «мистическим», «знаковым». В 1991 году я был с Мариной в Париже на приеме в честь

300-летия Русско-французских отношений. Церемония происходила в Доме Инвалидов. Через несколько дней должен был исчезнуть СССР. Нас с Мариной уговаривали, воспользовавшись исчезновением нашего Государства, остаться на Западе. Мой родственник уже обосновался в Мадриде и готов был послать за нами машину. Наш друг, парижанка и друг Жака Ширака, графиня Сологуб Ирина Леонидовна, готова была предоставить нам жилье и посодействовать в приобретении «вида на жительство», в Париже или в ее вилле на Капри. Компаньонка моего испанского родственника, гражданка США, звала нас быть соседом Солженицына. Были и другие предложения. Марина хотела было уговаривать меня не возвращаться домой. Но я знал, что ни в какой стране я не смогу жить – пусть на развалинах, но в СССР! И в разгар моих споров с Мариной – остаться на Западе или возвратиться в страну, которой уже вроде бы и нет, мы поехали на могилу Андрея Тарковского! Я и сейчас не понимаю, что меня побудило тогда поехать в Сент-Женевьев-де-Буа? Мы были там и не раз... И вот мы у могилы Андрея, нас сопровождает парижанка Людмила Фроловская, дочь донского казака, похороненного здесь же. Мы подходим к могиле, втиснутой между надгробиями. На могиле Андрея деревянный крест. Изгороди нет. Я сделал шаг к кресту, чтобы положить цветы к его основанию, и крест начал медленно падать на меня! Я успел его подхватить – он сгнил у основания! Земля была мягка, я руками вытащил остатки креста, что сгнили и воткнул в него крест. Людмила тут же сказал – она была в курсе дела – чтобы я ни в коем случае не оставался на Западе! Андрей очень жалел, что покинул Родину, *«вот он тебе знак подает, чтобы возвращался домой!»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.